

Ночь опустилась на землю, воцарилась тишина, и весь мир, казалось, погрузился в глубокий сон. Когда последний отблеск заката растаял за горизонтом, изможденные люди наконец смогли отдохнуть.

В этой безмолвной тьме тихо двигалась одинокая фигура. Чэнь Буи осторожно прижимал к груди сверток с драгоценной мазью, ступая бесшумно, словно кошка, боясь разбудить хоть кого-то из тех, кто уже забылся сном. На душе у него было тяжело, сердце терзали вина и самобичевание. Все, что он мог сделать — это попытаться хоть немного облегчить страдания израненной девушки.

При свете слабого лунного сияния Чэнь Буи подошел к Сянлин и протянул ей лекарство. Однако ответом ему стал яростный рык:

— Убирайся вон!

Сянлин резко села, ее глаза покраснели, а лицо было залито слезами. Она с ненавистью уставилась на Чэнь Буи и, не раздумывая, швырнула коробочку прямо в него.

— Хлоп! — мазь с глухим звуком ударилась о лоб Чэнь Буи, оставив на коже красную отметину.

Он не увернулся.

— Кто просил тебя притворяться добреньким? Что ты из себя возомнил! Все это случилось по твоей милости! А теперь пришел посмеяться над моим позором? — истерически кричала Сянлин, и в ее голосе сквозило бесконечное страдание и злоба. — Почему ты не сдох вместе с теми бандитами? Почему мы должны были терпеть унижения и муки из-за тебя? Не думай, что тебе удастся сбежать. Смотри внимательно: то, что случилось со мной сегодня, станет твоей судьбой в будущем!

Чэнь Буи молча сносил оскорбления. Он знал, что сейчас любые слова бесполезны — лишь время способно хоть немного притупить эту глубокую рану.

Крики Сянлин разбудили остальных. Вей Син, появившись словно из ниоткуда, с размаху ударил девушку по лицу, отчего та повалилась на бок.

— Несмышленная девка! — рявкнул Вей Син. — Если бы не госпожа Фэйэр, которая не растерялась и обвела бандитов вокруг пальца, а потом еще и откупилась деньгами, думаешь, ты была бы сейчас в добром здравии? Скажите спасибо, что вообще остались живы!

Выплеснув гнев на Сянлин, Вей Син все еще не мог успокоиться:

— Мне плевать, что вы думаете, но раз вы живы, то живите достойно! Какие бы обиды вас ни грызли, никто вам ничего не должен! Хватит винить всех вокруг, вините только самих себя!

Люди притихли, не смея проронить ни слова. Вей Син повернулся к Чэнь Буи и мягко, но твердо сказал:

— Госпоже Фэйэр не стоит принимать это близко к сердцу. Некоторые вещи нам неподвластны. Если они способны понять — хорошо, а если нет, то не стоит тратить на них свое доброе сердце.

Чэнь Буи оцепенело кивнул, поднял мазь и побрел к следующей девушке. Обойдя всех, он вернулся на свое место рядом с Таохуа, и слезы, которые он больше не мог сдерживать, градом покатались по его щекам.

Худенькая, похожая на сухую веточку ручка Таохуа изо всех сил потянулась к нему, пытаясь стереть слезы. Ее голос, хриплый, словно наждачная бумага, звучал с огромным трудом:

— Сестрица Фэйэр... не плачьте... Вы такой добрый человек... Таохуа совсем на вас не в обиде...

То, что Таохуа, будучи в таком слабом состоянии, находит силы утешать его, наполнило сердце Чэнь Буи такой волной вины, что он едва не задохнулся. В глубине души он понимал, что беды этих людей не были полностью его виной, но чувство бессилия и самобичевания сковывало его сердце. Он ненавидел себя за то, что оказался беспомощным перед лицом этой беды.

Он понимал, что впереди их ждут новые тернистые пути и бесчисленные испытания. Но реальность была жестока: он не мог говорить, не мог выразить свои мысли, а из-за своего особого положения боялся открыться. Ему оставалось лишь наблюдать, как девушки, чья жизнь только начинала расцветать, одна за другой оказываются втянуты в этот ад. Сколько еще страданий им предстоит вынести? Он не знал. Но понимал: этот бесконечный путь страданий ведет в бездну унижения, а когда унижение достигнет предела — придет смерть.

Динчжоу, город Линчэн. Впервые отряд остановился на ночлег в городе. Конвоирам было достаточно запереть пленниц в тюрьме, чтобы наконец расслабиться.

Чэнь Буи вместе с Таохуа вывели из общего строя. Вей Син приказал Сяо Цзиню сопровождать их, чтобы они могли купить все необходимое. Это вызвало у остальных девушек жгучую зависть, но в одном взгляде читалась особая, ядовитая злоба.

После случившегося Сянлин, видя, как благоволят к Чэнь Фэй, внезапно прозрела: только подлизавшись к тем, у кого есть власть, можно жить припеваючи. А репутация? Какая ерунда.

Сянлин спрятала злобный взгляд, виляя бедрами, подошла к одному из конвоиров и прошептала ему на ухо, притворно ласкаясь:

— Господин, позвольте мне сегодня услужить вам!

Старина Цинь ухватил ее за подбородок, качнул из стороны в сторону и с развязной ухмылкой спросил:

— Соскучилась по мужчине?

Сянлин кокетливо шлепнула его по руке:

— Господин, неужели вы думаете, что я не умею ублажать?

Старина Цинь расхохотался:

— Хорошо, хорошо! Но мне хочется чего-то большего!

Сянлин прижалась к нему и тихонько рассмеялась:

— Чего бы вы ни пожелали, господин, я все исполню.

Старина Цинь, нетерпеливо увлекая ее за собой, скрылся в своих покоях под их общий смех и перебранку.

Когда Чэнь Буи закончил покупки и раздал всем одежду, пришел человек и передал приглашение: уездный начальник устраивал пир и звал их к себе. Устроив Таохуа в комнате, Чэнь Буи отправился на пир вместе с Сяо Цзинем.

К его удивлению, там оказалась и Сянлин, сидевшая за гостевым столом. Когда их взгляды встретились, она слегка приподняла уголок рта и насмешливо вскинула бровь, глядя на него с триумфом и презрением.

Но стоило Чэнь Буи направиться к главному столу, как лицо Сянлин мгновенно помрачнело, а в душе вспыхнуло пламя ярости. Она была вынуждена ютиться за гостевым столом, в то время как Чэнь Буи пригласили к главному, символизирующему почет.

Сянлин смотрела на главный стол, и эта картина жгла ей глаза: и Вей Син, и уездный начальник выказывали Чэнь Фэй подчеркнутое уважение. В то же время за гостевым столом ее словно не существовало — никто не проронил с ней ни слова. Этот контраст разжигал в ее сердце еще большую зависть.

Больше всего Сянлин бесило, что Чэнь Фэй вообще не замечала ее, будто она была пустотой. Это пренебрежение вонзалось в сердце подобно тысячам острых лезвий, пробуждая в глубине души безграничную ненависть. И хотя стол ломился от изысканных яств, Сянлин не могла проглотить ни куска. Каждый раз, когда она смотрела на Чэнь Фэй, ей казалось, что в сердце вонзается острый нож, причиняя нестерпимую боль.

<http://bllate.org/book/21263/2153544>